
DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.04

УДК 327

О РОЛИ РЕЛИГИИ В АРАБСКИХ АРМИЯХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

АХМЕДОВ Владимир Муртазович

кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник

Центра исследования общих проблем современного Востока

Института востоковедения РАН.

E-mail: shamyarabist@gmail.com

SPIN-код: 2570-6004

ORCID: 0000-0002-4952-2964

Для цитирования: Ахмедов В.М. О роли религии в арабских армиях Ближнего Востока // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 4 (8). – С. 49–69. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.04.

Аннотация. Армия сыграла большую роль в современной истории стран Ближнего Востока. В последние десятилетия военные были фокусом арабской политики, находясь в центре механизма принятия решений. В 1980–1990-е годы арабские правители научились обуздывать политические аппетиты военных. С распространением конфессиональных конфликтов, религия сегодня оказывает заметное влияние на развитие основных политических процессов, систему региональной безопасности. В статье исследуются основные отечественные и зарубежные методологические подходы изучения военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке. Особое внимание уделено историческим условиям формирования вооруженных сил арабских стран. Их роли и месту в общественно-политической системе. Выявляются причины и мотивы вмешательства армии в политику. Рассматриваются различные инструменты контроля над военными. Изучается характер взаимодействия военных и исламистов. Показаны особенности взаимоотношений армии и власти, армии и общества в странах Арабского Востока. Отмечена значимость национальных и религиозных особенностей в системе военно-гражданских отношений. Выделена роль личности в формировании поведенческого стереотипа военных.

Ключевые слова: армия, офицерство, ислам, военно-гражданские отношения, Ближний Восток, арабские страны.

Sectarianism and Arab Militaries in Middle East

Vladimir M. AKHMEDOV

PhD in History, Assistant Professor, Senior Research Fellow,
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: shamyarabist@gmail.com

SPIN-code: 2570-6004

ORCID: 0000-0002-4952-2964

For citation: Akhmedov V.M. (2024). Sectarianism and Arab Militaries in Middle East. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4(8), pp. 49–69. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.04.

Abstract. The Army has played a significant role in contemporary history of the Middle Eastern states. This fact was determined not only by the frequency of wars and military crises but mainly by the role of the military in domestic politics. In the past few decades, the army and security apparatus presented a focal point of Arabian countries' politics. The military was the center of the power and decision-making mechanism in Middle Eastern countries. In the 1980–1990s Arab rulers managed to curb the appetites of their military for power and military coups. The author studies universal Russian and Western methodological and theoretical approaches and criteria for examining the civil-military relations. A main attention is paid to historical pre-conditions for the formatting of the armed forces in Arab countries. The author also examines the interaction between politics and military, military and society and tries to show the main reasons behind the army's seizure of power in many Arab countries from the social, political, and economic backgrounds of military rule. The criteria of the civil control under the military and different approaches for preventing army's intervention in politics are in the focus of this article. The author stresses the role of the national and religious factors in the system of civil-military relations. The role of the ruler and ruling élites in determining the behavioral patterns of the military are the subject of the author's investigation as well.

Keywords: army, military, Islam, civil-military relations, Middle East politics, Arab countries.

Методологические подходы исследования

Методологию исследования составили теоретические положения, разработанные в рамках изучения роли военных в общественно-политической жизни государства.

В марксистской концепции о роли армии в политике большое значение имело положение об «относительной самостоятельности вооруженных сил» в политической системе¹. В большинстве стран Западной Азии на переломных этапах развития относительная самостоятельность армии трансформировалась в гипертрофированную политическую активность. Таким образом, сложилась традиция вмешательства армии в политику, которая ярко проявилась в арабских странах Ближнего Востока². При определенных обстоятельствах армия могла взять на себя «революционную инициативу». Примером этого может служить роль военных в Египте в январе 2011 г.³

В западной политологии роль армии в политике изучалась в рамках теории военно-гражданских отношений, которые рассматривались как система взаимозависимых элементов. Ее главными компонентами являлись: формальное положение вооруженных сил во властных структурах, неформальная роль и влияние военных в политике и обществе в целом, характер идеологии военных и гражданских групп. Для их обобщающей характеристики в теории военно-гражданских отношений использовалась категория «гражданский контроль». С этой точки зрения важное значение имела характеристика типологий гражданского контроля, разработанных С. Хантингтоном (объективный и субъективный) и Э. Нордлинджером (традиционный, либеральный, нетрадиционный)^{4,5}.

Суть «традиционной» модели гражданского контроля состояла в отсутствии заметной разницы между гражданскими и военными элитами. Новые критерии набора на военную службу – образование и профессионализм вместо наследственного титула и

¹ Бабуркин С.А. Армия и политика в Андских странах (Венесуэла, Колумбия, Эквадор). – Автореф. д-ра полит. наук. – Москва, 1994. – С. 14.

² Мирский Г.И. «Третий мир». Общество. Власть. Армия. – Москва: Наука, 1976. – С. 4.

³ Ахмедов В.М. Армия и арабские революции на Ближнем Востоке / Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сб. ст. / под. ред. Наумкина В.В., Попова В.В., Кузнецова В.А. – Москва: ИВ РАН, 2012. – С. 72–91.

⁴ Huntington S.P. The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. – New York: Random House, 1957. – 534 p.

⁵ Nordlinger E.A. Soldiers in Politics. Military Coups and Governments. – Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1977. – 224 p.

богатства, положили начало процессу дифференциации гражданских и военных элит. Поэтому сегодня применение на практике «традиционной» модели чрезвычайно редко или вовсе отсутствует. «Либеральная» модель исходила из различий между элитами в соответствии с полученными знаниями и данными полномочиями. Фактически, речь шла о максимально возможной деполитизации армии. В теории «либеральная» модель представлялась достаточно эффективной для установления гражданского контроля над армией. Однако на практике гражданские политики нередко нарушали гражданскую этику поведения в отношении военных. Они пытались контролировать процессы назначения и продвижения по службе в армии, а также прибегать к услугам военных для обеспечения собственных политических интересов. Подобное поведение гражданских властей формировало мотивированную основу для возникновения «преторианских» настроений в армии⁶.

Третий тип гражданского контроля мог быть реализован в рамках «нетрадиционной» или «пенетрантной» модели. «Пенетрантная» модель могла быть успешно реализована в государствах с особым характером режима личной власти либо жестко централизованного однопартийного руководства. В государствах, где действовал принцип разделения властей, было возможно лишь одновременное установление гражданского контроля над армией и внедрение политической идеологии, что являлось неприемлемым для военных⁷. В большинстве арабских стран с учетом особенностей их развития и традиций взаимоотношения военных и гражданских элит наиболее часто использовался тип гражданского контроля, синтезированный из элементов «пенетрантной» и «традиционной» моделей.

⁶ Данный термин носит весьма условный характер и касается офицерского корпуса. Одним из первых его применил американский политолог Э. Нордлинджер. Он заимствовал указанное определение из знаменитого исследования истории падения Римской империи «Gibbon E. The Decline and Fall of the Roman Empire. 2 vols., – New York: Modern Library, 1957». У Э. Гиббона речь шла о преторианской гвардии римлян как одном из факторов ослабления могущества Римской империи после того, как преторианцы стали свергать неугодных императоров и контролировать деятельность римского сената.

⁷ Nordlinger E.A. Soldiers in Politics. Military Coups and Governments. – Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1977. – P. 15–18.

В итоге сформировались три основных подхода к поиску причин вмешательства армии в политику. «Структурно-функциональный», представители которого акцентировали внимание на характеристиках общества. «Институциональный», базирующийся на выделении корпоративных свойств армии и военной элиты, и «социально-психологический», приверженцы которого концентрировали внимание на внутренней мотивации политической активности военных. Соединение элементов этих подходов дает на практике наиболее существенные результаты.

На основе рассмотрения основных теоретических подходов к проблемам «армия и общество», «армия и ислам», «армия и власть» можно сделать следующие выводы. Вооруженные силы должны рассматриваться как сложное явление, неразрывно связанное с обществом и с его политической сферой, в которой они предстают одновременно объектом и субъектом. В качестве субъекта политического процесса армия выступает в разных измерениях: и как институт государства и как заинтересованная социальная группа, имеющая свои корпоративные интересы, а в развивающихся странах нередко и как объект влияния иностранных держав⁸.

В арабских странах военные наряду с духовенством оказывали значительное воздействие на многие сферы политики и общественной жизни. Сравнительный анализ взаимозависимостей режима, армии и религии способствует более глубокому пониманию роли ислама в вооруженных силах арабских стран. В странах с республиканским типом правления большое значение имело изучение эволюции роли ислама в армии в процессе формирования религиозной опоры власти. В теократических государствах религия формировала коллективную идентичность армии и была интегрирована в «священные» военные ритуалы. Важной темой в исследовании вопроса о взаимоотношении армии и религии служит выяснение вопросов, касающихся включения в армейскую практику используемых в обществе религиозных и иных ритуалов и обычая, и внедрения религиозных практик и ритуалов в военную подготовку и моральное воспитание личного состава воору-

⁸ Akhmedov V.M. Iran's politics in the Middle East: political and military dimensions // Вестник Института востоковедения РАН. – 2020. – № 4 (14). – P. 247–257.

женных сил. Публичная практика религиозных обычаев может принимать несколько форм. В одном случае религиозные ценности добровольно используются военными и тогда в армии толерантно относятся к религии, либо военные пытаются таким образом внедрить религиозные ценности в общество и демонстрируют свою приверженность религии.

С этой точки зрения ответ на вопрос, в какой степени светские принципы и религиозная догматика соответствуют культурируемому государством типу национализма, имеет особое значение для выяснения проблемы взаимодействия ислама и идеологии в армии. Поэтому рассмотрение вооруженных сил лишь как орудия правящих классов, сущность которого однозначно определяется природой и характером государства, представляется неправомерно ограниченным и недостаточным. Для комплексной оценки роли армии в политике необходимо учитывать весь спектр ее измерений.

Таким образом, использование методов системного, сравнительного и исторического анализа, учет различных факторов (структурных, институциональных, психологических) дает наибольшие возможности для всестороннего анализа роли религии в армии в контексте общественно-политической активности вооруженных сил.

Армия, политика, идеология

На рубеже XX–XXI вв. в государствах Ближнего Востока происходил процесс активного приобщения армии к политике. Взаимодействуя с политикой, армия выступала ее объектом и субъектом. Подобный дуализм накладывал отпечаток на характер активности армии как субъекта политики. Выступления военных кругов почти всегда приурочивались к моменту, когда противоборство в обществе достигало критической точки и правящий режим оказывался под угрозой. Похожую ситуацию можно было наблюдать на разных этапах исторического развития Египта, Сирии, Ирака, Алжира⁹.

⁹ Rubin B. The Military in Contemporary Middle East Politics // Armed Forces in the Middle East. Politics and Strategy / ed. by Rubin B., Keaney T.A. – London: Frank Class, 2002. – P. 1–22.

Одной из важных задач арабских правительств являлось установление гражданского контроля над армией, с целью ограничения влияния военных на политику. Гражданские лидеры обеспечивали лояльность армии путем внедрения в вооруженные силы соответствующей политической идеологии и института политработников. В армейской среде повышалась роль спецслужб, чьи руководители подчинялись, как правило, гражданским властям. Достаточно убедительным примером действия подобной модели могли служить Ирак (1979–2003) и Сирия (1970–2000).

В условиях, когда в течение последних десятилетий у руководства большинства арабских стран стояли кадровые военные, говорить о гражданском контроле в чистом виде не приходилось. Скорее, речь могла идти о политическом контроле над армией в целях обеспечения стабильности режима¹⁰. На деле вооруженные силы любого государства, даже того, где верховенство гражданской власти не вызывало никаких сомнений, обладали значительным политическим влиянием. Его источниками являлись само предназначение армии, ее функции, материальные ресурсы и возможности, которыми она была наделена для выполнения возложенных на нее задач.

В последние два столетия основным типом идеологии, который использовался в большинстве государств как для определения коллективной идентичности армии, так и для мобилизации общества, служил национализм. Как правило, сочетание политической идеологии и национализма зачастую определяло тип национализма, используемого государством¹¹. В Сирии существовало два типа национализма; панарабизм правящей Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) и сирийский партикуляризм, которые традиционно формировали официальную государственную идеологию. Идея создания Великой Сирии (Биляд аш-Шам), официально рассматривалась как нелегитимная. В то же время она нередко использовалась властями в качестве побуди-

¹⁰ Ахмедов В.М. Армия и политика в современной Сирии // Армия и Власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии. Сб. ст. / отв. ред. Ахмедов В.М. – Москва, 2002. – С. 153–188.

¹¹ Moskos C. Towards a Postmodern Military // Democratic Societies and Their Armed Forces: Israel in Comparative Context / ed. by Stuart A. Cohen. – London: Franc Cass, 1999. – P. 18.

тельного фактора в межарабской политике Сирии. Так, на страницах печатного органа сирийских вооруженных сил «Джейш аш-Шааб» в 1993 г. было опубликовано письмо, направленное Х. аль-Асаду рядом палестинских исламистов, которых Израиль депортировал в Ливан в ноябре 1992 г. В письме они выражали поддержку идеи восстановления «Великой Сирии» с центром в Дамаске во главе с Х. аль-Асадом¹².

Когда в основу идеологии закладывались идеи национализма, власти должны были обеспечить достаточно высокий уровень развития, чтобы продемонстрировать обществу превосходство светских идей над религиозной идеологией¹³. Чтобы удержать ситуацию под контролем, режиму было необходимо сбалансировать взаимодействие ислама и армии с обществом и государством¹⁴. В Египте, как и в Сирии, идеи патриотизма и преданности делу арабского единства были выражены достаточно рельефно в процессе морально-воспитательной работы в армии. С другой стороны, в отличие от Сирии, в Египте идеи социализма не получили широкого распространения в армейской среде. Ориентация египетских вооруженных сил на патриотическую идею нашла свое практическое отражение в праздновании Дня Армии, который стал отмечаться в период президентства А. Садата 6 октября – даты начала арабо-израильской войны 1973 г. в ходе которой Египет одержал ряд побед над израильской армией. В выступлениях по случаю этой памятной даты упор делался на патриотизм и национализм, а исламские ценности вообще не упоминались¹⁵.

С другой стороны, как свидетельствует опыт «арабской весны», национальное единство не могло быть достигнуто «сверху» путем навязывания различным группам общества традиций, верований какой-либо одной религиозной группы. Избежать беспоряд-

¹² Джейш аш-Шааб. – 03.1993. – № 1702. – Араб. яз.

¹³ Halliday F. The Nationalist Debate and the Middle East // Middle Eastern Lectures No. 3. – Tel-Avive: The Moshe Dayan Center, 1999. – P. 27.

¹⁴ Например, в Ливане, в 1970–1980 гг. офицерский корпус был практически весь представлен выходцами из христианских общин. Однако это не помешало мусульманам создать собственные вооруженные формирования. В результате это привело к полной дезинтеграции ливанской армии, когда межобщинные противоречия переросли в гражданскую войну.

¹⁵ Ан-Наср. – 05.1998. – № 707. – С. 12. – Араб. яз.

ков и насилия иногда было куда важнее, чем достигнуть «более высокого» уровня национального единения.

Исламская традиция и культура играли особую роль в системе арабского национального мировоззрения. В зависимости от политической конъюнктуры государство могло в той или иной степени задействовать исламские идеалы и символы в пропаганде идей арабского национализма в интересах мобилизации широких масс. С тем чтобы ограничить проникновение в общество чуждых ему религиозных проявлений, режим в ряде случаев мог допустить некоторую степень участия религии в деятельности государства. Тогда роль религии в армии должна была бы сводиться к противодействию исламистской оппозиции. В этом случае государство могло допустить расширение использования религиозных ритуалов в армии в качестве защитного механизма. Политическая воля военных лидеров выступала в арабских странах в качестве относительно самостоятельной и важной стороны военного фактора геополитики. В зависимости от характера и природы правящей элиты, выдвинувшей того или иного лидера, на одной и той же объективной основе мог утвердиться разный военно-политический курс.

На рубеже ХХ–XXI столетий, откликаясь на вызовы глобализации и модернизации, ближневосточные руководители периодически пытались вывести религиозные настроения из сферы деятельности широких слоев населения и сделать религию частным делом отдельного гражданина. Они полагали, что так им будет легче управлять страной и модернизировать государство. Однако из этого мало что получилось.

Военные и ислам

Роль религии в армии определялась характером правящего режима и его идеологией. В то же время такая связь не являлась безусловной. В Египте, Сирии, Ираке власти старались придерживаться светских принципов государственного устройства. Ислам не определял корпоративную идентичность армии, хотя религиозные ритуалы могли быть включены в воинские церемонии. В Саудовской Аравии и Исламской Республике Иран (ИРИ) религия выполняла функцию воспитания господствующей самоидентификации офицеров. Религиозная лояльность была непосредственно

связана с властью, которая обеспечивала защиту и пропаганду религиозных ценностей.

Различные подходы к идеологии в публичной сфере проявлялись в названиях печатных органов вооруженных сил арабских стран. В Сирии главный орган армейской печати назывался «Джейш аш-Шааб» (Армия народа), что отражало социалистическую составляющую идеологии правящей партии. Печатный орган армии Египта носил название «Ан-Наср» (Победа). Это связано с тем, что «победа» является универсальной целью любого режима. В Иордании газета называлась «Аль-Акса» – в честь знаменитой мечети на Храмовой Горе в Иерусалиме. В данном случае религиозная нагрузка названия отражала связь Иордании с Иерусалимом и Палестиной. На этом основании можно было сделать вывод, что в Хашимитской монархии религия играла куда большую роль, чем в Египте и Сирии.

Однако на практике разница была весьма условна. В той мере, в которой армия оказывалась вовлеченной в политику, военные издания обращались к проблемам религии, наряду с другими вопросами гражданского общества.

В Египте публичное исполнение религиозных ритуалов в армии происходило только во время главных мусульманских празднеств. При А. Садате религия на короткое время стала неотъемлемой частью армейской жизни. Генералитет отмечал мусульманские праздники вместе с религиозными деятелями. В текстах выступлений военных руководителей содержались многочисленные ссылки на Коран и возвзвания к Аллаху. При президенте А. Садате религиозные обычай рассматривались как составная часть военных ценностей, и приверженность им могла способствовать продвижению по службе. На страницах одного из мартовских номеров армейской газеты «ан-Наср» за 1979 г. шейх аль-Азхара подчеркивал, что в сердцах военных должно внедряться принципы и ценности ислама. После убийства А. Садата исламскими фанатиками и прихода к власти Х. Мубарака заигрывание с исламистами прекратилось.

Несмотря на это, публичные проявления религиозных настроений в армии с участием высших офицеров продолжились, став важным элементом армейской жизни. В феврале 1996 г. Х. Мубарак и высшие армейские чины приняли участие в молитве

в мечети «Аль-Мубарак». Государство поощряло публичное участие военных в религиозных праздниках, но воздерживалось от того, чтобы превратить религию в составную часть официальной армейской практики, как это было сделано при А. Садате. Х. Мубарак как мусульманин-суннит не видел необходимости постоянно доказывать в армейской среде свою приверженность исламу в отличие от алавита Х. аль-Асада, который жестоко сражался с суннитской оппозицией. Подобный порядок сохранялся и в вопросах использования ислама в моральной подготовке солдат и офицеров. Публикации в армейской прессе в основном касались моральных аспектов ислама. В них приводились отдельные цитаты из Корана с объяснением ряда положений шариата. В некоторых материалах речь шла о канонических различиях между законами, касавшимися взаимоотношений в обществе между людьми (*му'амала*) и отношениями между человеком и Аллахом (*'ибада*)¹⁶.

В Египте расходы на хадж (паломничество в Мекку, Медину) несло министерство обороны, в том числе не только для военных, но и гражданского персонала. В Египте существовал явный разрыв между исламизацией общества и светским характером армии, о чем свидетельствовали публикации армейской печати. Газета «ан-Наср» лишь косвенно связывала террористические акты в Луксоре (Египет, 1997) с исламом, религиозными силами, и рассматривала их с точки зрения обычной морали¹⁷.

В то же время армейская печать уделяла серьезное внимание борьбе с фундаментализмом и ставила вопрос о законности использования подобных методов с точки зрения ислама. Большинство статей обходило молчанием роль военных в борьбе с исламистами. Подобное расхождение объяснялось традиционно светским характером правящей египетской элиты и желанием режима обеспечить лояльность военных в борьбе с радикальными и воинствующими группами исламской оппозиции. В армии Египта ислам был фактически выведен за рамки инструментария, определявшего корпоративную идентичность египетских военных. В этом смысле основные отличия египетской и сирийской армии сводились к разнице в наборе светских националистических компонентов. В Египте,

¹⁶ Ан-Наср. – 11.1999. – № 725. – С. 26. – Араб. яз.

¹⁷ Ан-Наср. – 12.1997. – № 702. – С. 61–63. – Араб. яз.

несмотря на официальную приверженность патриотизму и делу арабского единства, эти идеи не получили широкого распространения в армейской среде. В САР они были выражены достаточно рельефно в процессе морально-воспитательной работы в армии.

В Сирии Х. аль-Асад не ассоциировал себя с исламом в чисто армейском контексте. В то же время он вместе с высшими офицерами участвовал в праздновании религиозных праздников. Позиционирование Х. аль-Асада как образцового мусульманина в армейской печати представляло собой попытку преодолеть разрыв между руководящим алавитским меньшинством и суннитским большинством в армейских структурах¹⁸. В подразделениях сирийских вооруженных сил разрешалось присутствие представителей духовенства для исполнения необходимых религиозных ритуалов в случае смерти солдат на поле боя. В армейской прессе САР редко печатались статьи, апеллировавшие к религии как одному из факторов идентификации армии. Если подобные статьи и появлялись, то в основном в них встречались такие понятия, как «аль-шахада» (мученическая смерть за веру) в борьбе с предателями и иностранными агентами. При этом нередко встречались ссылки на Коран. В обращении к вооруженным силам по случаю «Ид аль-Адхъа (Праздник разговения)» Х. аль-Асад допустил лишь два упоминания о божественном пророчестве¹⁹. В Сирии религия в армии служила инструментом легитимации власти и на деле ее роль была значительно сильнее, чем это можно было наблюдать на поверхности.

В Иордании существовало специальное управление, следившее за соблюдением норм религии в армии. Во главе этого управления находился муфтий в ранге бригадного генерала. Ислам являлся одним из важных факторов определения коллективной идентичности в вооруженных силах. На обложке ежемесячного военного журнала «аль-Акса», посвященного кончине короля Хусейна, были помещены стихи из Корана²⁰. В речах и обращениях иорданского монарха к военным более чем у кого-либо из арабских лидеров содержались религиозные элементы. Король Хусейн

¹⁸ Джейш аш-Шааб. – 06.1999. – № 1854. – С. 4. – Араб. яз.

¹⁹ Джейш аш-Шааб. – 04.1999. – № 1848. – Араб. яз.

²⁰ Аль-Акса. – 03.1999. – № 921. – Араб. яз.

нередко обращался к иорданским вооруженным силам как «аль-джейш аль-мустафави» (избранной армии), где выражение «мустафави» могло трактоваться как одно из имен Пророка. В то же время в Иордании основным мотивом, определявшим поведение военных, являлось служение не Аллаху, а монарху в традициях абсолютной монархии²¹.

Таким образом, ситуация с исламом в государствах Арабского Машрика свидетельствовала о том, что нарастание религиозных настроений в армии скорее носило инструментальный характер, чем отражало тот факт, что военные и армия как институт искренне разделяли приверженность исламу. Военные подчеркивали свою приверженность исламу лишь для того, чтобы успешнее сражаться с проникновением в их ряды радикальных элементов. Когда угроза фундаментализма спадала, военные вновь возвращались к светским и республиканским ценностям.

В то же время вряд ли было возможным отрицать роль ислама в формировании коллективной идентичности армии, где многие офицеры и солдаты искренне верили в ислам. Таким образом, значение религиозных ценностей не акцентировалось, а ставилось в ряд многочисленных базовых нормативов, определявших достойное поведение военных, среди которых основную роль играли светские, националистические факторы. Ислам служил не конечной целью, а средством для реализации националистических интересов, особенно в вопросах определения лояльности военных и их преданности своему народу и стране.

Любые заигрывания с исламом, особенно в условиях кризисных процессов в государстве и обществе, обычно заканчивались не в пользу власти²². Политика ограничения религиозных настроений в Сирии и Ираке, не спасла их вооруженные силы от широкого присутствия исламистов, институализировавшихся в

²¹ Аль-Акса. – 02.1998. – № 907. – С. 22. – Араб. яз.

²² В Египте в январе 2011 г. армия отстранила Х. Мубарака от власти и открыла дорогу «Братьям-мусульманам» на властное поприще. Правление М. Морси позволило военным заняться поддержанием и укреплением своих ведомственных интересов, в том числе закрепив их конституционным путем. Начавшиеся в декабре 2012 г. массовые социально-политические протесты сильно подорвали позиции правящего режима. В конечном счете это привело к вмешательству военных в политику и отставке президента М. Морси 3 июля 2013 г.

рамках проиранских милиций. С распространением религиозно окрашенных политических конфликтов опора на светского арабского офицера уже не оправдывала себя и утратила актуальность.

Армия и религиозные конфликты

Несмотря на провозглашенный светский характер правления, в арабо-мусульманских обществах был силен дух традиционализма (фундаментализма). Его последователи выступали за возврат к священным основам ислама, что предопределяло сохранение устойчивой мотивации к определенной форме джихада как войны против искажений истинной веры. Однако использование религии в качестве антидота экстремизма могло быть безопасным и успешным, если религиозные движения и организации были готовы проявлять гибкость и способность регулировать всплески активности сражающегося авангарда. В современной ближневосточной истории подобные примеры обнаружить достаточно сложно. Так, опора сирийского режима на суфииев не смогла предотвратить всплеск салафитского джихадизма в условиях кризиса 2011 г.²³

В большинстве стран Ближнего Востока религиозные деятели активно влияли на определение идентичности государства, характер власти, законодательную практику. Зачастую это происходило в противовес светскому судопроизводству, межобщинным, клановым отношениям. В свою очередь это меняло алгоритм взаимоотношений в треугольнике – власть, армия, религия – который служил одним из ключевых элементов государственной инфраструктуры многих стран Ближнего Востока.

Во время «арабской весны» власть использовала армию для решения конфликтов, как на религиозной, так и светской основе. Подобная практика порождала расхождение между арабскими правящими режимами и официальным исламом, который их легитимировал и обслуживал властные интересы. В результате официальный ислам стал неоднозначно восприниматься в гражданском

²³ Суфизм – ат-тасаввух, мистическое учение в исламе. В XIV в. Баха эд-дин Накшбанд дополнил религиозно-философские воззрения суфизма, возведя генеалогию крупнейшего накшбандийского ордена к родству с двумя праведными халифами – Абу Бакром (духовно) и Али (физически).

обществе и в офицерском корпусе, в частности. В этих условиях лояльность многих военных обеспечивалась до тех пор, пока власть оказывалась способной защищать и пропагандировать религиозные ценности. Постепенно религиозные цели стали служить для участников вооруженных конфликтов оправданием применения несанкционированных властью различных форм насилия, в том числе и к мирному гражданскому населению²⁴.

В кризисных условиях религиозные взгляды, верования, фанатизм играли все более весомую роль в мотивации вооруженных конфликтов. Малообеспеченные социальные страты находили религию привлекательной потому, что она предполагала готовность сражаться за социальную справедливость. Вооруженные религиозные конфликты становились важным элементом современного политического противоборства на Ближнем Востоке, принимая форму конфликтов низкой интенсивности или гибридных войн. В их основе лежали глубокие исторические корни конфессиональных и этнических распреяй, в силу чего они могли принимать затяжной и латентный характер²⁵.

Их мотивационной основой могли служить укоренившиеся в массовом сознании идеи панисламизма, обостренные всплесками национализма, который усиливал религиозную установку к политическому действию. Наступательная, бескомпромиссная деятельность политических движений и партий могла становиться драйвером религиозных конфликтов. Специфика конфликтов низкой интенсивности на Ближнем Востоке определялась группой факторов. В той степени, в какой война рассматривалась как

²⁴ В канун кризиса большинство руководящего состава армии и органов безопасности Сирии были выходцами из алавитской общины (10% населения). В условиях гражданской войны прежде внешне единый сирийский социум стал стремительно раскалываться по конфессиональным линиям. В результате в мировоззрении многих социальных групп населения, стоявших в авангарде вооруженной борьбы, возобладали представления о правящем режиме как «оккупационном», вступившем в преступный заговор с шиитским Ираном. В практическом плане подобное мировоззрение служило сильным мотивом борьбы за свержение действующего режима.

²⁵ Сирийские братья. Десятилетия разногласий и отказ от принципов. Аль-ихван сирия: укуд-мин-ат-танакуд-ва-аль-инкиляб-аля-аль-мабади // Аль-Араби24. – 29.08.2022. – Араб. яз. – URL: <https://24.ae/article/718855/> (дата обращения: 04.02.2024).

инструмент религии, право объявлять ее становилось привилегией религиозных партий и движений, а не государства и светских властей.

Одной из первых таких организаций стала ливанская Хизбалла, которая впоследствии послужила моделью для шиитских милиций. Сегодня ярким примером подобной ситуации является Сирия, где решения о начале боевых операций, их прекращении, заключении перемирия принимались лидерами военизированных милиционных формирований при посредничестве режима аль-Асада, России и Ирана (Алеппо – 2015, Восточная Гута – 2017)²⁶. Религиозные критерии стали определять состав участников, законы и нормы войны, а зачастую правила ведения боя.

Негосударственными акторами таких конфликтов были вооруженные группы, созданные наподобие народных дружин, повстанческих армий, отрядов волонтеров и милиционных сил. Они отличались по своему происхождению, конфессиональной принадлежности, принципам индокринации личного состава, идеино-политическим установкам, преследуемым целям, характеру отношений с государственными структурами, региональными религиозно-политическими силами, внешними акторами. На начальном этапе большинство отрядов не имели четкой организационной структуры, не располагали армиями, тяжелым вооружением, экономическими ресурсами. Они не придерживались установленных правил войны. Неким прообразом современных религиозных милиций были отряды арабских национально-освободительных движений 1940–1960 гг. в сражениях, с которыми Великобритания и Франция потеряли все свои колонии на Ближнем Востоке²⁷.

Современная регулярная армия становилась практически бесполезной для ведения такой формы войны. Материально-техническое обеспечение требовало большого штата людей в арьергарде, из-за чего ведущим бой частям оставалось слишком мало ресурсов. Несмотря на свое техническое превосходство, регулярные армии не могли выйти победителями в конфликтах низкой

²⁶ Ахмедов В.М. Восточная Гута – переломная точка в сирийской войне // Вестник Института востоковедения РАН. – 2018. – № 1. – С. 135–140.

²⁷ Кайли С. Вооруженная революция: ее природа, ход и перспектива. Аль-саура аль-мусульяха: вакиуха-сайриратуха-ва-афакуха. – Бейрут: Atlas Publishing House, 2013. – Араб. яз.

интенсивности. Ярким примером являлась война Армии Обороны Израиля (АОИ) против Хизбаллы на юге Ливана в 2006 г.

Характерной особенностью конфликтов низкой интенсивности являлось то, что территориальная близость противника не гарантировала победы над ним. Сирийские и иракские вооруженные силы не смогли в одиночку справиться с «Исламским Государством» («ИГ» – запрещено в РФ) и вооруженными салафитскими отрядами. Израильская армия вот уже полгода пытается ликвидировать отряды ХАМАС в Газе²⁸. Неспособность подавить врага вблизи (внутри) своих границ чревата отрицательными последствиями для власти и национальных вооруженных сил, особенно когда в конфликт вовлечены большие группы недовольных с обеих сторон, а театр военных действий захватывает соседние государства²⁹.

Распространение религиозно окрашенных конфликтов низкой интенсивности приводило к изменению структуры военных организаций. Попытки государства сделать применение насилия исключительно своей привилегией сталкивались с большими трудностями. Во время кризиса в САР основными участниками военных действий были не армии, а милицейские формирования. Основой мотивации их действий служил не профессионализм, а идеологическая лояльность.

Эти организации опирались на поддержку той или иной группы населения, которую было сложно отделить от тех, кто вел активные боевые действия³⁰. Участники сражений низкой интенсивности переставали считать себя профессионалами, выполняющими долг перед абстрактной политической системой. Идущие в

²⁸ Ильин А.А. ХАМАС как военная и политическая организация. Конфронтация с Израилем – ключевые особенности и идеологические принципы // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 1 (5). – С. 25–35. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.03.

²⁹ Бомбардировки ИГИЛ в Ираке и Сирии армейскими дронами. Бомбаран-даиешдар-ерак-ва-сорайя-ба-пепеадхха-сепах // Табнак Ньюз. – 22.11.2018. – Персид. яз. – URL: <https://tinyurl.com/342smfka> (дата обращения: 23.08.2021).

³⁰ Аль-Хадж А. Салафизм и салафиты в Сирии: от реформ к джихаду. Аль-салафия-ва-салафцион-фи-сурия: мин-аль-ислах-иля-л-джихад // Аль-Джазира. – 20.05.2013. – Араб. яз. – URL: <https://studies.aljazeera.net/ar/reports/2013/05/2013520105748485639.html> (дата обращения: 04.02.2024).

регионе процессы трансформации войны и эволюции арабских вооруженных сил формировали благоприятную среду для реализации целей воинствующих исламистов и внешней, религиозной экспансии в регионе.

* * *

В последние десятилетия социально-политические конфликты на Ближнем Востоке стали приобретать все большую интенсивность. Ничем не ограниченный национализм порождал этнический сепаратизм и религиозные конфликты. Под влиянием внешнего фактора религиозные конфликты накладывались на социальные противоречия. Идеологией таких конфликтов нередко становилась религия. Многообразие проблем, возникающих на религиозной почве, предопределяло участие армии в урегулировании такого рода конфликтов. Эта функция усиливалась в свете использования вооруженных сил для борьбы с террором.

Особую опасность для армии представлял этнический национализм и религиозный экстремизм, которые нередко находили свои организационные формы в воинских формированиях, имеющих тяжелую боевую технику, которая при определенных условиях могла оказаться направлена как против собственных властей, так и против соседних народов. Использование военных для подавления такого рода конфликтов было чревато определенными политическими рисками. Существующий военно-политический баланс мог быть нарушен в пользу армии. Противоречия между армией и партийно-бюрократическими структурами государства вызывали распространение кризисных явлений в государстве.

С этой точки зрения исследование роли религии в армии позволяет понять, действительно ли фактор принадлежности к армейской среде ослаблял связи офицерского корпуса с исламом, и определить вероятность вмешательства военных в политику в условиях этноконфессиональных конфликтов. Как свидетельствует опыт арабских армий, светский характер офицерского корпуса был ограничен, когда офицеры были представлены преимущественно выходцами из одной группы населения. Офицерский корпус мог быть достаточно сплоченным, но его единство не являлось результатом развития секулярных и общенациональных ценностей.

Объединение офицеров происходило на основе чувства принадлежности к определенной группе населения и ее исключительности. Когда такие офицеры приходят к власти, более вероятно, что они могут способствовать разжиганию этноконфессиональных конфликтов, проводя политику в интересах определенной конфессии или этнической группы. В странах, где офицерский корпус был представлен двумя и более этноконфессиональными группами, солидарность военных также не отличалась особой прочностью. Жизненные ценности офицеров, сформированные в детском и подростковом возрасте, во многом были связаны с их этническим, религиозным и земляческим происхождением.

В условиях религиозных конфликтов и под воздействием внешней конфессиональной экспансии связи с традиционным обществом были способны перевесить профессиональную сплоченность и чувство национальной общности. В этом случае, как показывает опыт Сирии и Ирака, офицерский корпус мог разделиться по религиозным или этническим принципам. Такие факторы, как приниженное положение некоторых общин, их зависть к привилегированным религиозным группам, подозрительность и фракционность могут привести к расколу офицерского корпуса. В условиях сирийского кризиса массовое дезертирство офицеров-суннитов и отказ применить оружие против своих граждан серьезно ослабили боеспособность сирийской армии в борьбе с повстанцами. Опыт военных в Ливане, Сирии, Ираке показал, что они, как правило, не способны эффективно разрешать религиозные конфликты.

Зачастую военные пытались разрешить конфессиональные конфликты путем силы. Такое отношение могло быть усилено националистическими настроениями, когда национализм начинал олицетворяться с более высоким уровнем национального единства. Сделки и компромиссы не очень хорошо знакомая техника поведения военных лидеров. Они скорее могли попытаться установить искусственный этноконфессиональный баланс. Как это сегодня пытаются сделать в Сирии и Ираке при помощи Ирана. С другой стороны, военные были способны действовать как сравнительно беспристрастные арбитры и посредники. Приверженность светской идеологии служила фактором умиротворения экстремистских взглядов и продвижения компромиссных соглашений.

Однако в нынешних условиях Ближнего Востока сложно найти светски ориентированного офицера. Как свидетельствует опыт Египта времен президентства генерала А.Ф. аль-Сиси офицерский корпус «заточен» на защиту собственных интересов. Опыт взаимодействия сирийских и иракских «силовиков» с суннитской и курдской оппозицией показал, что даже когда военные пытались действовать с нейтральных позиций, им было достаточно сложно убедить лидеров религиозных и этнических общин в своих «добрых» намерениях. Обычно решение подобных конфликтов зависит от действий политических элит.

Война в Газе (2023–2024) показывает, что примиренческий подход не является сильной стороной ближневосточных политических элит, которые не могут договориться о том, что можно считать достойным компромиссом и до какой степени допустимо договариваться с оппозицией. В этих условиях возрастаёт угроза внешнего вмешательства и подрыва существующего статус-кво на Ближнем Востоке.

Список источников и литературы

1. Ахмедов В.М. Армия и арабские революции на Ближнем Востоке // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сб. ст. / под. ред. Наумкин В.В., Попов В.В., Кузнецов В.А. – Москва: ИВ РАН, 2012. – С. 72–91.
2. Ахмедов В.М. Армия и политика в современной Сирии // Армия и Власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии. Сб. ст. / отв. ред. Ахмедов В.М. – Москва, 2002. – С. 153–188.
3. Ахмедов В.М. Восточная Гута – переломная точка в сирийской войне // Вестник Института востоковедения РАН. – 2018. – № 1. – С. 135–140.
4. Бабуркин С.А. Армия и политика в Андских странах (Венесуэла, Колумбия, Эквадор). – Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Москва, 1994. – 42 с.
5. Ильин А.А. ХАМАС как военная и политическая организация. Конфронтация с Израилем – ключевые особенности и идеологические принципы // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 1 (5). – С. 25–35. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.03.
6. Мирский Г.И. «Третий мир». Общество. Власть. Армия. – Москва: Наука, 1976. – 408 с.

7. Akhmedov V.M. Iran's politics in the Middle East: political and military dimensions // Вестник Института востоковедения РАН. – 2020. – № 4(14). – P. 247–257.
8. Halliday F. The Nationalist Debate and the Middle East // Middle Eastern Lectures No. 3. – Tel-Avive: The Moshe Dayan Center, 1999. – 131 p.
9. Huntington S.P. The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. – New York: Random House, 1957. – 534 p.
10. Moskos C. Towards a Postmodern Military // Democratic Societies and Their Armed Forces: Israel in Comparative Context / ed. Stuart A. Cohen. – London: Franc Cass, 1999. – P. 3–26.
11. Nordin E.A. Soldiers in Politics. Military Coups and Governments. – Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1977. – 224 p.
12. Rubin B. The Military in Contemporary Middle East Politics // Armed Forces in the Middle East. Politics and Strategy / Rubin B., Keaney T.A. (eds.) – London: Frank Class, 2002. – P. 1–22.
13. Аль-Хадж А. Салафизм и салафиты в Сирии: от реформ к джихаду. Аль-салафия-ва-салафцион-фи-сурья: мин-аль-ислах-иля-л-джихад // Аль-Джазира. – 20.05.2013. – Араб. яз. – URL: <https://studies.aljazeera.net/ar/reports/2013/05/2013520105748485639.html> (дата обращения: 04.02.2024).
14. Аль-Акса. – 02.1998. – № 907. – С. 22. – Араб. яз.
15. Аль-Акса. – 03.1999. – № 921. – Араб. яз.
16. Ан-Наср. – 12.1997. – № 702. – С. 61–63. – Араб. яз.
17. Ан-Наср. – 05.1998. – № 707. – С. 12. – Араб. яз.
18. Ан-Наср. – 11.1999. – № 725. – С. 26. – Араб. яз.
19. Джейш аш-Шааб. – 03.1993. – № 1702. – Араб. яз.
20. Джейш аш-Шааб. – 04.1999. – № 1848. – Араб. яз.
21. Джейш аш-Шааб. – 06.1999. – № 1854. – С. 4. – Араб. яз.
22. Кайли С. Вооруженная революция: ее природа, ход и перспектива. Аль-саура аль-мусульяха: вакиуха-сайриратуха-ва-афакуха. – Бейрут: Atlas Publishing House, 2013. – Араб. яз.
23. Сирийские братья. Десятилетия разногласий и отказ от принципов. Аль-ихван сурья: укуд-мин-ат-танакуд-ва-аль-инкиляб-аля-аль-мабади // Аль-Араби24. – 29.08.2022. – Араб. яз. – URL: <https://24.ae/article/718855/> (дата обращения: 04.02.2024).
24. Бомбардировки ИГИЛ в Ираке и Сирии армейскими дронами. Бомбарандиеш-дар-ерак-ва-сорайя-ба-пепеадхаха-сепах // Табнак Ньюз. – 22.11.2018. – Персид. яз. – URL: <https://tinyurl.com/342smfka> (дата обращения: 23.08.2021).